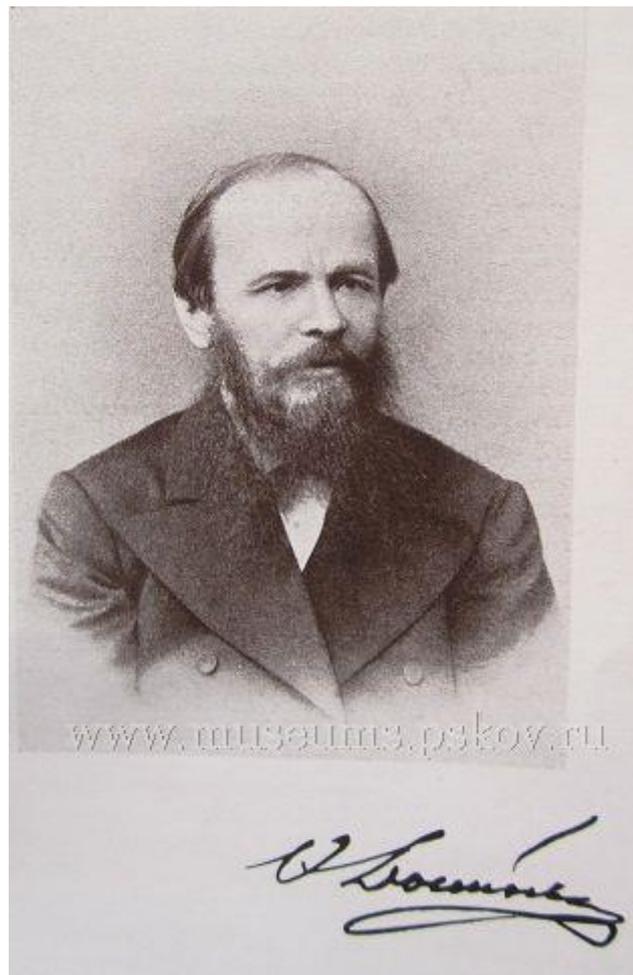

Старший научный сотрудник
Художественного отдела
Псковского музея-заповедника
Антипова Р.Н.

Письмо Ф.М. Достоевского А.П. Философовой

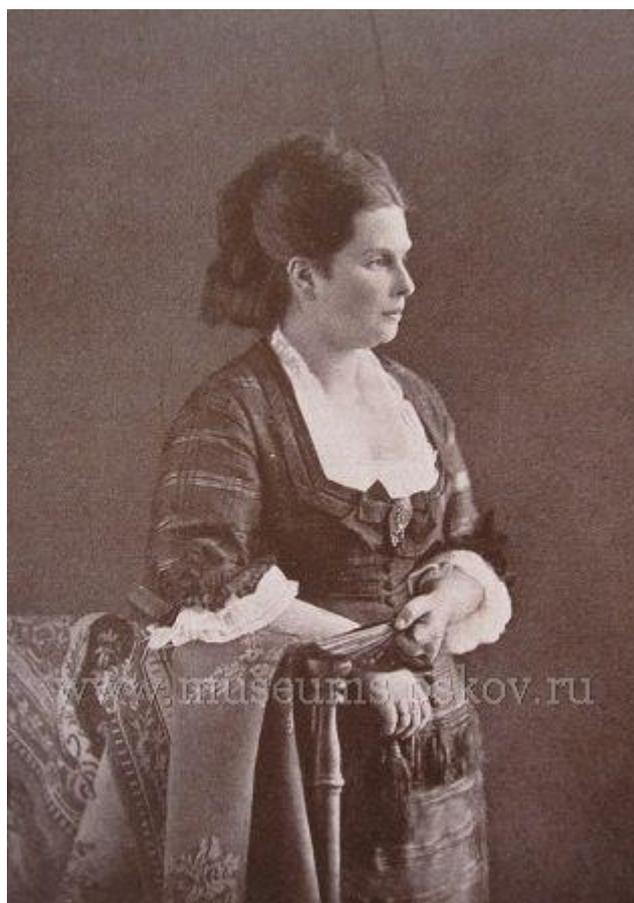

Старая Русса, 11-го июля 1879 г.

Дорогая, уважаемая и незабвенная Анна Павловна.

Ровно мѣсяць какъ получилъ ваше милое письмоце и до сихъ поръ не отвѣтилъ — но не судите, не осуждайте. Да и вы ли станете судить,— вы, добрая беззаветно безпредельно, съ вашимъ прекраснымъ умнымъ сердцемъ!

Я все время был здесь, в Руссе, в невыносимо тяжело мое состоянии духа и хоть и было время побеседовать с вами, но так иногда тяжело становилось, что каждый раз откладывал, когда приходилось взяться за перо. Главное, здоровье мое ухудшилось, были все больные — сначала сын тифом, а потом оба теперь коклюшем; погода ужасная, невозможная, дождь льет как из ведра с утра до ночи и ночью холодно, сыро, простудно; на целый месяц не более трех дней было без дождя, а солнечный день выдался раз один. В этом состоянии духа и при таких обстоятельствах все время писал, работал по ночам, слушая как воет вихрь и ломает столетние деревья (sic). Написал весьма шло, да и давно уже заметил, что чем дальше идут годы, тем тяжелее мне становится работа. Все мысли стало быть неутешительными и мрачными, а мне хотелось побеседовать с вами в другом настроении души.

Чрезвычайно мы (я и жена) порадовались, что вы вздумали поехать на Кавказъ: во 1-хъ несомненная польза отъ леченія, въ это я верю, только бы удалось вамъ не попасть къ худому доктору. (О, берегитесь медицинскихъ знаменитостей! все онъ съ ума сошли отъ самомненья и отъ заносчивости, уморять. Выбирайте всегда средняго доктора, какогонибудь скромнаго немца, ибо, клянусь, немцы, какъ доктора, лучше русскихъ, это свидетельствую вамъ я, славянофилъ!). Во вторыхъ, поездка подальше, въ такое характерное место какъ Кавказъ, сильно развлечетъ и отвлечетъ васъ отъ утомительно-однообразной (хотя и чрезмерно характерной съ виду) нашей Санкт-Петербургской дребедени и пошлости. Отдохнете, только имейте силу духа забыть недавнее, и непосредственное отдаться впечатленіямъ природы и новаго места. А затѣмъ въ августѣ, въ деревню къ милымъ дѣткамъ. Какъ хорошо, что у васъ есть они — сколько очеловечиваютъ они существованье въ высшемъ смысла. Детки — мука, но необходима, безъ нихъ нѣтъ дела жизни. А европейскіе соціальсты проповѣдываютъ вей о воспитательныхъ домахъ! Я знаю великодушныхъ душой людей, женатыхъ, но детей не имѣющихъ — и что же: при такомъ уме, при такой душе — все чего-то имъ недостаетъ и (ей Богу правда) въ высшихъ задачахъ и вопросахъ жизни они какъ-бы хромаютъ, — у васъ есть горькія строки о людской жестокости и о безстыдствѣ техъ самыхъ, на которыхъ вы, истинно любя ихъ, пожертвовали можетъ быть всю жизнь и деятельность вашу (про васъ это можно сказать). Но не удивляйтесь и не огорчайтесь — никогда более и не надо ждать ни отъ кого. Не осуждайте меня какъ бы за высшій профессорскій тонъ; я самъ оскорбленъ многими и право, иными невинно, другіе же были оскорблены моимъ характеромъ (въ сущности тѣмъ, что я говорилъ имъ искренно слово, по ихъ-же просьбе) и горько отплатили мне за это искреннее слово — и что-же, я наверно досадовалъ и негодовалъ более, чѣмъ вы. Правда, более того, что вы претерпели отъ техъ и другихъ, редко могло быть — и болѣе я былъ свидетелемъ и сколько разъ слышалъ я ваше имя, обвиняемое тѣми и

другими. Но вот что хорошо тутъ всегда: знайте, что всегда есть такая твердая кучка людей, которые оцнать, сообразять и сочувствуютъ непременно и верно. У васъ есть сочувственники, понимающіе вашу деятельность и прямо любятъ васъ за нее. Я такихъ встречалъ и свидетельствую, что они есть. Меня же сочтите какъ горячаго изъ горячихъ почитателей вашихъ и прекраснаго, милаго, добраго, разумнаго сердца вашего. Жена же моя васъ сразу полюбила, а знаетъ васъ меньше моего.

Грудь моя здесь такъ разстроилась, до того, что я 17-го числа июля еду въ Эмсъ на шесть месяцевъ до сентября. Ужасъ что вынесу скуки въ уединенномъ леченіи моемъ. Напишите мне тогда хоть строчку (Allemagne.Ems, M-r Theodor Dostoewsky, posterestante).

Глубокое мое уваженіе вашему супругу, до свиданія, дорогая Анна Павловна, жму вамъ руку и целую ее. Анна Григорьевна очень васъ любитъ и свидетельствуетъ вамъ свою беззаветную преданность.

Вашъ Федоръ Достоевскій. Напомните обо мне вашимъ деткамъ.